

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 10

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 10**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 10 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Как раз у дверей дома мы встречаем двух сестер, которые входят с видом скорее спокойным, чем грустным. Я вижу двух красавиц, которые меня удивляют, но более всего меня поражает одна из них, которая делает мне реверанс:— Это г-н шевалье Де Сейнгальт?— Да, мадемуазель, очень огорчен вашим несчастьем.— Не окажете ли честь снова подняться к нам?— У меня неотложное дело...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джованни Казанова
История Жака Казановы де Сейнгальт,
венецианца, написанная им самим в замке
Дукс, Богемия, том 10. Двое беспечных

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Ганноверки.

Как раз у дверей дома мы встречаем двух сестер, которые входят с видом скорее спокойным, чем грустным. Я вижу двух красавиц, которые меня удивляют, но более всего меня поражает одна из них, которая делает мне реверанс:

– Это г-н шевалье Де Сейнгальт?

– Да, мадемуазель, очень огорчен вашим несчастьем.

– Не окажете ли честь снова подняться к нам?

– У меня неотложное дело...

– Я прошу у вас только четверть часа.

Я не могу ей отказать. Эти две девушки – старшие. Эта, что пригласила меня подняться, потратила четверть часа, чтобы поведать мне несчастье своей семьи в Ганновере, их путешествие ко двору Сент-Джеймс, чтобы получить возмещение, их безуспешные хлопоты, то, что они вынуждены были влезть в долги, чтобы содержать семью, болезнь матери, которая мешает матери действовать самой, варварство хозяина дома, который, не желая ждать, собирается поместить их мать в тюрьму, а их выгнать за дверь, и прочее варварство всех, кого они знают и к кому они обращались за помощью, и кто им в ней отказал.

У нас нет, месье, нет ничего, что можно продать, и сегодня у нас есть всего два шиллинга, чтобы жить, питаюсь хлебом.

– Кто это те, кого вы знаете, и кто имел смелость покинуть вас в такой беде?

– Такой-то и такой-то и такой-то, милорд Балтимор, маркиз де Караччиоли, министр Неаполя, милорд Пембрук.

– Это невероятно, так как я знаю этих трех последних как благородных, богатых и великодушных. Должно быть, у них есть большое и справедливое основание, потому что вы все красивы, и красота для этих господ является явным кредитным письмом.

– Да, месье, вы правы. Эти благородные и богатые господа нас покинули и нами пренебрегают. Наша ситуация не внушает им жалости, потому что, как говорят они, мы фанатики. Мы не хотим согласиться на любезности, которые противоречат нашему долгу.

– Это значит, что они находят вас обаятельными, и что они претендуют на то, чтобы вы должны были быть готовы ответить желаниям, которые вы им внушаете, и они отказывают вам в деньгах, потому что, не оказывая им никакого уважения, вы не желаете оказывать им услуги. Это так?

– Точно.

– Ну что ж, они правы.

– Они правы?

– Конечно. Я думаю так же, как они. Мы освобождаем вас от ваших обязательств. Наши состоят в том, чтобы позаботиться о наших деньгах, чтобы поддерживать наши страсти, которые, нападая на нас, дают нам в то же время моменты счастья. Мы не стараемся ни казаться добродетельными, ни платить красавицам, которые соблазняют нас своими прелестями, чтобы заставить потом томиться по ним. Я осмеливаюсь сказать вам, что на данный момент ваше несчастье состоит в том, что вы все красивы; вы легко нашли бы двадцать гиней, будь вы некрасивы; я сам дам вам их, потому что, помимо всего прочего, я не подвергнусь при этом жестокой критике по двум поводам. Не скажут, что я сделал это доброе дело, будучи рабом склонности к вежливым поступкам, и не смогут тем более сказать, что я помог вам, только понадеявшись получить от вас то, что, следуя вашей системе, я не получу никогда.

Следовало именно так говорить с этой девицей, обладающей прелестями и ослепительным красноречием. Я видел, что она задета. Я спросил, откуда она меня знает, и она ответила,

что видела меня в Ричмонде вместе с Шарпийон. Я сказал, что Шарпийон мне стоила две тысячи гиней и не дала мне даже поцелуя, но со мной такого больше не будет. Тут ее позвала ее мать, она пошла узнать, чего она хочет, и вернулась минуту спустя, сказав, что та просит меня зайти, чтобы поговорить со мной о чем-то.

Я вхожу и вижу женщину сорока пяти лет, сидящую в кровати, которая не выглядит больной. Глаза живые, лицо умное, выражение смышенное говорят мне о том, что следует держаться настороже; я нахожу ее в чем-то похожей на мать Шарпийон.

– Чего вы хотите, мадам?

– Месье, я слышала все, что вы говорили моим дочерям. Вы говорили с ними не как отец, согласитесь.

– Мадам, я распутник по профессии, и если бы я имел дочерей, я уверен, у них не было бы надобности в проповеднике. Я сказал вашим дочерям то, что чувствовал, и что вы должны чувствовать сами, если вы разумны. Я всего лишь почитатель девушек, которые хотели бы продемонстрировать свою добродетель, но я никогда не буду их другом. Если ваши дочери хотят быть разумными, в добрый час; но они не должны пытаться соблазнять мужчин. Я ухожу, и заверяю вас, что больше их не увижу.

– Подождите, месье. Мой муж был граф такой-то. Они порядочны и по рождению.

– Отлично! Каких еще знаков уважения вы от меня ждете?

– Наша ситуация не внушает вам жалости?

– Наоборот, большую, но я противлюсь тому, что она мне внушает, потому что они красивы.

– Какое странное соображение!

– Очень сильное. Скажут, что я глупец. Если бы они были некрасивы, я сразу бы дал вам двадцать гиней, и мной бы восхищались; но поскольку они красивы, если вы хотите двадцать гиней, вы получите их завтра утром, но я хочу эту ночь.

– Какой язык с женщиной, как я! Так со мной никогда не говорили.

– Извините мою искренность и позвольте вас покинуть, попросив у вас прощения. Прощайте, мадам графиня.

– Мы вынуждены сегодня обедать только хлебом.

– Если дело только в этом, я пообедаю вместе с ними и оплачу за остальных.

– Вы слишком странный. Они будут грустить, потому что меня отведут в тюрьму. Вы будете сожалеть. Дайте им то, что вы готовы потратить.

– Нет, мадам. Я хочу за свои деньги порадовать, хотя бы, свои глаза и свои уши. Я велю отложить ваш арест до-завтра. Может быть, Провидение завтра вмешается.

– Хозяин не хочет ждать.

– Позвольте мне действовать.

Я говорю Гудару спросить у хозяина, чего он хочет, чтобы отозвать «билля» только на двадцать четыре часа. Гудар идет и возвращается, говоря, что хозяин отошлет «билля», если я дам ему гинею и поручителя, который заплатит двадцать гиней в случае, если мадам улизнет за эти двадцать четыре часа.

Мой виноторговец живет в соседнем доме; я говорю Гудару подождать меня; я лечу туда и договариваюсь с ним переговорить с хозяином и дать то письменное поручительство, которого он хочет, дав ему гинею, которую он требует. После этого я снова поднимаюсь и сообщаю девицам хорошую новость, что у них есть еще время посмеяться до завтра. Четверть часа спустя, когда «билль» уходит, я отчитываюсь пред Гударом о соглашении, которое я заключил с мадам матерью, и прошу его заняться тем, чтобы доставить еду на восемь персон. Гудар уходит, и, получив право проходить к мадам, я туда вхожу и, вызвав туда всех дочерей, которые все удивлены способом, которым я перевернул всю полицию их дома.

– Вот, мадам, – говорю я, – все, что я могу сделать для вас. Ваши дочери очаровательны, все созданы для любви, они все интересуют меня в равной степени, я предлагаю вам мир на двадцать четыре часа gratis, я пообедаю и поужинаю с ними, не прося от них и поцелуя, и если завтра вы не измените своих принципов, я забираю поручительство на двадцать гиней, которое я дал, и более вас не побеспокою.

– Что вы понимаете под изменением принципов?

– Пошлите ко всем чертям добродетель, коей я являюсь заклятым врагом.

– Мои дочери никогда не станут проститутками, ни для вас, ни для других.

– А я прослаблю их по всему Лондону как настоящие образцы мудрости, и пойду тратить свои деньги с такими же безумцами как я. Шарпийон меня обманула последняя.

– Вы ужасно отомстили. Я хорошо посмеялась над вашим попугаем. Вы злой человек.

– Очень злой. Поверьте мне, вы приобрели сегодня очень скверное знакомство.

Вернулся Гудар, все сделав, и мы вышли из комнаты мадам, которая не сочла, кстати, нужным показаться и Гудару. Я был единственным, по ее словам, кому она оказала эту честь в Лондоне. Наш обед по-английски был достаточно хорош; но я получил наивысшее удовольствие при виде волчьего аппетита, с которым ели пять графинь. Мой сосед виноторговец отправил мне шесть бутылок Понтака, которые они, очарованные этим сказочным вином, выпили героически. Но бедные малышки, не привыкшие к вину, оказались все пьяны. Их мать съела все, что я ей отправил, и выпила бутылку старого вина, которое предпочла Понтаку. Несмотря на их опьянение, я сдержал слово, и Гудар, как и я, ничего себе не позволил. Мы поужинали так же весело и так же обильно, и после большого пунша я покинул их всех влюбленными, озабоченный тем, найду ли я в себе силы быть таким же бравым назавтра.

– Все зависит, – сказал Гудар, провожая меня домой, – от того, чтобы не давать им ни су до свершения большого события. Вы начали путем; если вы не выдержите вашу роль, вы проиграли.

Я видел, что он говорит как великий учитель, и я решил про себя доказать ему, что я понимаю в этом больше, чем он.

Беспокоясь назавтра узнать результат совещания, которое больная мать должна была держать со своими пятью дочерьми, я пошел к ним в десять часов. Двух старших не было. Они ушли в восемь, чтобы направиться ко всем тем, кого они надеялись растрогать, к кому им не хватило времени пойти накануне. Три девочки бросились ко мне, как маленькие собачки, которые радуются хозяину, вернувшемуся домой; но они не только отвернули свои красивые личики в другую сторону, когда я приблизил свое, чтобы их поцеловать, но и отдернули свои руки. Я сказал им, что они неправы, и постучался в комнату матери, которая сказала мне войти и поблагодарила меня за прекрасный день, который они провели со мной.

– Я явился выяснить, должен ли я забрать свое поручительство.

– Вы вольны так поступить, но я не считаю вас способным на это.

– Вот что вводит вас в заблуждение, мадам графиня. Вы знаете людское сердце, но вы не изучили его ум, либо вы воображаете, что все понимают в нем менее, чем вы. Знайте, что вчера все ваши дочери привели меня в восторг, но когда мне придется от этого умирать, я не проявлю по отношению к вам никаких знаков дружбы, пока вы не измените системы вашей бессовестной морали.

– Как, бессовестной?

– Да, бессовестной, и я об этом говорил вам достаточно вчера. Прощайте, мадам.

Она не хотела дать мне уйти, но, не слушая ее и не глядя на юных ведьм, я спустился по лестнице и направился в сторону Новых Домов, к своему виноторговцу, чтобы сказать ему забрать свое поручительство. Затем, с сердцем тигра, я пошел к милорду Пемброк, которого не видел уже три недели. Как только я заговорил о ганноверках, он разразился смехом и сказал, что, в добрый час, следует заставить этих девок стать шлюхами.

– Они пришли ко мне вчера рассказать о своем положении и, не собираясь им помогать, я от них отмахнулся. Им нечего есть, и я своей рукой не дам им и гинеи; они выманили у меня дюжину, три раза заставляя меня надеяться, и обманывали меня. Они все того же пошиба, что и Шарпийон.

Я рассказал ему, что я сделал, и что я имел намерение уплатить двадцать гиней, но после свершения. Сначала для старшей, а затем также и для четырех остальных.

– У меня была та же мысль, но я полагаю, что вы не преуспеете, потому что Балтимор предложил им две сотни за всех, и торг зашел в тупик, потому что они хотели получить авансом. Они пришли вчера к нему и он им ничего не дал. Они обманывали его пять или шесть раз. Мы посмотрим, что они будут делать, когда мать окажется в тюрьме. Вы увидите, что мы их получим по сходной цене.

Я отправился к себе обедать, явился Гудар, он пришел от них, там уже был «били», он заявил, что ждет только четыре часа; две старшие использовали напрасно эти четыре часа, ища повсюду людей, склонных к благотворительности. Они отослали одежду к ростовщику, чтобы было на что есть. Я решил, что это непостижимо.

Я ждал, что они явятся ко мне, и был прав; мы были за десертом, когда они явились к нам. Старшая использовала все свое красноречие, чтобы уговорить меня продлить мое поручительство еще на один день, но нашла меня непоколебимым, по крайней мере, пока она не примет проект, который я изложил ей в моей комнате. Она оставила сестру с Гударом, после чего, усадив ее рядом с собой, я выложил перед ней двадцать гиней как цену за ее милости. Она их отвергла. Я счел этот отказ дерзким; я чувствовал себя оскорбленным; я употребил силу, полагая сопротивление легким, но я ошибся; она пригрозила закричать, после чего я успокоился, но попросил ее уйти; она ушла вместе с сестрой.

Я пошел в комедию вместе с Гударом и затем зашел на Новые Дома к виноторговцу, чтобы узнать, что было. Он сказал, что «били» отправил мать к себе, что младшая дочь захотела за ней последовать, и что он не знает ничего о том, где остальные четыре.

Я вернулся к себе, очень огорченный. Мне казалось, что с ними обошлись слишком сурово; но я увидел всех четверых перед собой в тот момент, когда собрался ужинать. Старшая, которая всегда брала слово, сказала, что их мать в тюрьме, и что они проведут ночь на улице, если я откажу им в комнате, даже без кровати.

– Вы получите, – ответил я, – комнаты и кровати и я велю развести вам огонь, но я хочу видеть, что вы едите. Садитесь.

– Они уселись, им принесли все, что есть на кухне, и они поели, но грустно, запивая только водой. Озабоченный этим поведением, я сказал старшей, что она может идти ложиться на третий этаж, вместе с сестрами, но они должны уйти в семь часов утра и более не переступить моего порога. Они поднялись.

Старшая пришла в мою комнату час спустя, когда я ложился спать, сказав, что хочет говорить со мной тет-а-тет. Я велел Жарбе выйти.

– Что вы сделаете для нас, если я проведу ночь с вами?

– Я дам вам двадцать гиней и поселю и буду кормить вас всех, пока вы будете добры.

Она начала раздеваться, не давая мне никакого ответа, и пришла в мои объятия, тщетно попросив погасить свечи. Я ощущал только покорность; она позволила мне все, и ничего сверх того; она не одарила меня ни единым поцелуем. Праздник длился лишь четверть часа. Единственным моим утешением было воображать, что в моих объятиях Сара. Иллюзия в любовном единении – это работа. Ее подлая тупость настолько меня рассердила, что я поднялся, дал ей ассигнацию в двадцать фунтов и сказал ей одеться и подняться в свою комнату.

– Завтра утром, – сказал я ей, – вы придете сюда все, потому что я вами недоволен. Вместо того, чтобы предаться любви, вы проституируете. Постыдитесь!

Она оделась и вышла, ничего не ответив, и я заснул, очень недовольный.

Назавтра в семь часов я увидел перед собой вторую из девушек, которую звали Виктория. Она меня разбудила. Я спросил, весьма холодно, чего она хочет. Она отвечала, что хотела бы подвигнуть меня к жалости оставить их у меня еще на несколько дней, и рассчитывать на ее благодарность.

– Вы должны извинить мою сестру, которая мне все рассказала. Она не могла дать вам любви, потому что она влюблена в итальянца, который находится в тюрьме за долги.

– Подозреваю, что вы также в кого-нибудь влюблены.

– Нет, я никого не люблю.

– Вы могли бы, значит, любить меня?

Говоря это, я ее обнимаю и нахожу ее ласковой и нежной. Я говорю, что она победила, и она отвечает, что ее зовут Виктория (Победа). Виктория заставила меня провести сладкие два часа, которые полностью компенсировали мне дурную четверть часа, что я провел с ее сестрой. В конце действия я сказал ей, что я весь ее, и что ей следует лишь доставить ко мне свою мать, как только ее выпустят на свободу, и увидел ее удивление, когда я дал ей двадцать гиней; она настолько этого не ожидала, что постаралась осыпать меня любовными благодарностями. Я был самым довольным из людей; я заказал обеды и ужины каждый день на восьмерых и велел закрыть двери для всех, за исключением Гудара. Войдя в чрезмерные расходы, я решил все тратить, и ехать поправить свои дела в Лиссабоне.

К полудню прибыла мать в портшезе и сразу направилась лечь в постель. Я пришел ее повидать и выслушал без удивления все похвалы, которые она воздала моим добродетелям. Она хотела заставить меня думать, что она уверена, что сорок гиней, которые я дал ее дочерям, не были вознаграждением за их милости. Я оставил ее оставаться в своем самообмане.

Я отвел их на спектакль в Ковент-Гарден, где кастрат Тендуччи поразил меня, представив мне свою жену; я решил, что он шутит, но это было правдой. Он на ней женился и, имея уже двоих детей, издевался над теми, кто говорил, что в качестве кастрата он не может их иметь. Он говорил, что третьей железы тестикул, которую ему оставили, достаточно, чтобы констатировать его мужественность, и что его дети могут быть только законными, потому что он их таковыми признает.

По возвращении домой я прелестно поужинал со всеми пятью девушками, и Виктория пошла спать со мной, обрадованная своей победой надо мной. Она мне сказала, что любовник ее сестры, который был неаполитанец и которого звали маркиз де ла Петина, женится на ней, как только выйдет из тюрьмы, что он ждет денег, и что мать очарована видеть свою дочь маркизой.

– Сколько он должен?

– Двадцать гиней.

– И посол Неаполя оставляет его в тюрьме из-за такой мелочи?

– Он не хочет его выручать, так как он покинул Неаполь без разрешения своего короля.

– Скажи своей сестре, что если посол Неаполя скажет мне, что он не воспрепятствует этому от своего имени, я выведу его из тюрьмы завтра.

Я пошел пригласить мою дочь обедать в компании с другой пансионеркой, которая мне очень нравилась, дав ей шесть гиней, чтобы она купила себе нарядку. Она сказала мне, что передала их матери, и просила пригласить ее тоже. Я ответил, чтобы она взяла это на себя. По возвращении в Лондон, я был у маркиза Караччиоли. Это был очень любезный человек, с которым я познакомился в Турине. Я встретил у него знаменитого шевалье д'Эон и мне не составило труда поговорить с ним с глазу на глаз, чтобы спросить о молодом человеке в тюрьме.

– Он именно тот, – ответил он мне, – за кого себя выдает, но я его приму и дам ему денег только если мне напишут от маркиза Тануччи, что у него есть разрешение путешествовать. Тогда я помогу ему выйти из тюрьмы.

Я больше ничего у него не спрашивал и развлекался час, слушая г-на д'Эон, рассказывавшего о своем деле. Он покинул пост посла из-за двух тысяч ливров, которые департамент иностранных дел Версаля никак не хотел ему платить, хотя был ему законным образом должен. Он отдался под покровительство законов Англии и, собрав две тысячи подписантов по гинее каждый, напечатал большой том ин-кварти, где выдал публике все письма, что он получал от этого департамента в течение пяти или шести лет. В это самое время английский банкир депонировал в банке Лондона двадцать тысяч фунтов стерлингов, предложив их публике в качестве заклада, что шевалье д'Эон был женщина. Компания приняла пари; но нельзя было присудить победу ни одной из сторон, по крайней мере пока г-н д'Эон не согласился на обследование в присутствии свидетелей. Ему предложили две тысячи гиней, но он посмеялся над спорщиками. Он все время говорил, что такое обследование опозорит его, будь он мужчиной или женщиной. Караччиоли сказал ему, что оно может его опозорить, только если он женщина, но я придерживался противоположного мнения. По прошествии года пари было объявлено нулевым; но три года спустя он получил от короля помилование и появился в Париже, одетый женщиной, с крестом Св. Луи. Луи XV никогда не скрывал этого секрета, но кардинал де Флери внушил ему, что монархи должны быть непроницаемы, и этот король и был таким всю свою жизнь.

Вернувшись к себе, я дал двадцать гиней влюбленной ганноверке, сказав, чтобы пригласила ко мне обедать своего маркиза, с которым я хотел познакомиться. Я думал, что она умрет от радости.

В этот момент Августа, которая была третьей из сестер, договорившись с Викторией и, очевидно, также и с матерью, решила получить двадцать гиней. Это ей было нетрудно. Это была та, которую хотел получить лорд Пембрук. Дело было сделано, и Виктория, к моему великому удовлетворению, уступила ей место.

Эти пять девушек были как пять превосходных рагу, каждое своего отменного вкуса. Мой хороший аппетит поддерживало то, что каждая следующая казалась мне лучше. Так Августа стала моей любовницей.

В следующее воскресенье я оказался в весьма многочисленной компании. М-м Корнелис, которая в воскресные дни не опасалась оказаться арестованной, была со своей дочерью, и Софи побывала в объятиях у всех ганноверок, которые покрывали ее поцелуями. Я же давал их сотнями мисс Нэнси Стейн, ее подруге, которой было тринадцать лет, и которая меня зажигала. Их относили за счет отцовских чувств. Эта мисс Нэнси, которая казалась мне чем-то божественным, была дочерью богатого торговца. Я сказал ей, что хотел бы познакомиться с ее отцом, и она отвечала, что я увижу его в три часа. Я приказал, чтобы его впустили.

Весьма печальное зрелище в этой блестящей ассамблее представлял собой бедный маркиз де ла Петина; он чувствовал себя неуютно. Это был молодой человек, высокий, худой и неплохо сложенный, но отталкивающе некрасивый и довольно глупый; он благодарил меня за то, что я для него сделал, сказав мне, что, воспользовавшись возможностью оказать ему эту услугу, я сделал правильный шаг, потому что он уверен, что настанет день, когда он сделает для меня во сто раз больше. Ганноверка была, однако, в него влюблена.

Моя дочь отвела меня в мою комнату, чтобы показать мне свою прекрасную накидку, и ее мать последовала за ней, чтобы поздравить меня с прекрасным сералем, который я завел, сказав, что она часто думала завести такой же из мужчин, но предвидела при этом возникновение непреодолимых трудностей. Я ее хорошо понимал. Мерзавка!

За столом нам было очень весело. Я сидел между дочерью и мисс Нэнси Стейн. Я чувствовал себя счастливым. Мистер Стейн пришел, когда мы перешли к устрицам. Он расцеловал свою дочь со всей английской нежностью; она свойственна этой нации. «Я чувствую, что я тебя съем», говорит англичанин, целуя свое дитя; и он говорит правду. Поцелуй – не что иное как выражение желания съесть объект, который целуют.

Г-н Стейн уже обедал, но он съел, тем не менее, сотню устриц в четырех раковинах, которые мой повар превосходно приготовил, и оказал большую честь беспенному шампанскому Виль де Пердрикс. Мы провели за столом три часа и остаток дня – на четвертом этаже, у клавиесина, на котором Софи аккомпанировала ариям, что пела ее мать. Ее сын блистал со своей поперечной флейтой. Г-н Стейн мне клялся, что за всю жизнь он не получал большего удовольствия, тем более, что это происходило в воскресный день, когда такие удовольствия запрещены. Я пошел на риск, и я был счастлив. Англичанин в семь часов сделал подарок – красивое кольцо – моей дочери, и попрощался со мной, отведя ее вместе со своей в пансион. Маркиз де ла Петина мне сказал, что не знает, где найти комнату; я ответил, что они есть повсюду, и дал гинею его невесте, сказав ей передать для него и попросить его приходить ко мне только когда я позову.

Все уехали, я направился вместе со всеми дочерьми в комнату матери, которая себя чувствовала хорошо, ела, пила и спала. Она не читала, еще менее того писала; она не утомляла себя ничем, она направлялась в тюрьму только на носилках, она все время пребывала в постели и находила свое счастье только в ничего не деланье. Она говорила мне, однако, что все время озабочена своей семьей, которая бывает счастлива только соблюдением правил, которые она им предписывает. Я с трудом удерживался от смеха. Держа Августу на коленях, я просил у этой матери позволения подарить той поцелуй, и она дала милостивое согласие на этот отеческий поцелуй.

На следующее утро я увидел проходящего под моим окном маркиза Караччиоли; он спросил меня, может ли он подняться, и я просил оказать мне эту честь. Я отправил спуститься старшую дочь, сказав, что она собирается выйти замуж за г-на Ретина, как только придут его деньги. Вот какие слова он ей сказал:

– Он маркиз, он беден, он никогда не получит ни су, и когда он вернется в Неаполь, он будет заключен по приказу короля, и когда он выйдет, его заимодавцы велют поместить его в тюрьму в Викарии.

Это полезное мнение не возымело никакого эффекта.

После ухода посла я должен был сесть на лошадь, чтобы прогуляться. Августа пришла мне сказать, что если я хочу, ее сестра Ипполита составит мне компанию. Она держится в седле как наездник; В прошлом году, в Пирмонте, она блистала.

– Это замечательно. Скажи ей спуститься.

Она умоляла меня доставить ей это удовольствие, и заверила, что меня не опозорит.

– Я этого очень хочу, но у вас нет во что одеться по-мужски.

– Это правда.

– Значит, мы поедем завтра.

Я использовал целый день, чтобы дать изготовить ей все необходимое, и влюбился в нее, когда Пегу, мой портной, должен был снять с нее мерку, чтобы сделать ей штаны. Все должно было быть готово к завтрашнему дню. Эта конная прогулка веселила нас за ужином. Ипполита, полная радости, пришла в мою комнату сменить в постели свою сестру Августу. Я начал с того, что стал баловаться, но сама Августа перешла от баловства к серьезным делам; она посоветовала сестре провести ночь с нами, и та последовала ее совету, настолько уверенная в моем согласии, что даже не спросила его. Я дал ей утром двадцать гиней, довольный ночью, которую провел как нельзя лучше.

Пегу явился со штанами из велюра цвета лани и курткой, которые ей подошли превосходно. Ипполита была поражена. Мы сели на лошадей, сопровождаемые Жарбе; мы позавтракали в Ричмонде и вернулись домой только вечером. Но за столом я заметил, что Габриелла, младшая из всех, грустна. Спрошенная о причине своей грусти, она сказала, что сидит в седле так же хорошо, как Ипполита. Я успокоил ее, пообещав, что устрою ей это удовольствие послезавтра, и вот – вершина всех ее желаний! Ипполита клянется, что ей не хватает только смело-

сти, и что она никогда не ездила, но другая уверяет, что она ездит так же хорошо, как та. Я обещаю им повести всех вместе, и вот – все довольны.

Габриелла, очаровательная, пятнадцати лет, идет сопроводить меня в мою комнату, и добрые сестры оставляют меня наедине с ней. Она начинает с того, что говорит, что у нее никогда не было любовника. Я убеждаюсь в этом без малейшего сопротивления с ее стороны. Габриелла стала бы той, на ком бы я остановился, если бы мог; она была единственной, которая заставила меня сожалеть об отъезде их матери, которая решилась на это несколько дней спустя. Утром я добавил кольцо к двадцати гинеям, которые были приняты без разговоров, и мы провели день, одевая ее для верховой прогулки на завтра вместе с сестрой, но она выбрала зеленый цвет.

Габриелла, послушная наставлениям, которые давала ей ее сестра, села на лошадь, как если бы она провела два года на манеже. Мы поехали шагом, пока не выбрались из города, затем – галопом вплоть до Барна, где остановились на час, чтобы позавтракать. Мы проделали этот путь за двадцать пять минут. Лица этих двух девушек, пьяных от удовольствия, исходили лучами радости; я их обожал, а они меня. Но в момент, когда мы снова садились на лошадей, появляется милорд Пембрук, который, проезжая, остановился. Он направлялся в С.-Альбан. Он любит двумя гарцующими девушками, которых он не узнает, он спрашивает у меня, может ли он с ними познакомиться. Я говорю, что да. Он подходит и узнает их. После короткого разговора я вижу, что он удивлен; он поздравляет меня; он спрашивает, люблю ли я Августу; я говорю неправду, утверждая, что люблю только Габриеллу; он спрашивает, может ли зайти ко мне, и я заверяю, что он доставит мне удовольствие. Он обещает прийти как можно раньше, и мы его оставляем. Мы отпускаем поводья и возвращаемся в Лондон. Габриелла больше не может и сразу ложится в кровать. Я оставляю ее спать, запечатлев живые знаки моей постоянной нежности. Я приказываю, чтобы нас обслужили.

Габриелла спит вплоть до завтрашнего дня, и когда, проснувшись, видит себя в моих объятиях, начинает философствовать.

– Как легко, – говорит она, – быть счастливым в этом мире, когда ты богат! И как тяжело не иметь возможности быть таким, видя счастье и не имея возможности его достичь из-за отсутствия денег! Я была вчера самой счастливой из девушек. Почему я не могу быть такой всегда!

Я также философствовал, но грустно; я видел, что мое пребывание в Лондоне подходит к концу, и думал о Лиссабоне. Эти ганноверки, если бы я был богат, держали бы меня в своих оковах до самого конца моих дней. Мне казалось, что я люблю их не только как любовник, но как отец, и мысль о том, что я с ними сплю, не вносила препятствия моим чувствам, потому что я никогда не мог понять, как отец может нежно любить свою очаровательную дочь и ни разу не переспать с ней. Это бессилие концепции меня всегда убеждало, и убеждает с еще большей силой сегодня, когда мой ум и плоть составляют единую субстанцию. Габриелла, говоря мне в глаза, убеждала, что любит меня, и я был уверен, что она меня не обманывает. Можно ли понять, что она не испытывала этого чувства, если бы имела то, что называют добродетелью? Это для меня тоже идея непонятная.

На следующий день англичанин Пемброк пришел к нам, и наш обед с благородным лордом был весьма веселым. Августа его очаровала. Он сделал ей предложения, которые могли только вызвать у нее смех, потому что он выдвигал все время условие платить только после получения милостей, чего она не могла допустить. Несмотря на это он дал ей мимоходом банковский билет в десять фунтов, который она приняла с большим достоинством. Назавтра он написал ей письмо, о котором я сейчас скажу. Полчаса спустя после отъезда лорда мать моих девушек позвала меня. Вот что сказала она мне с глазу на глаз после весьма сентиментального пролога относительно постоянных благодеяний, которые я оказываю ее семье.

– Будучи убежденной, – сказала она, – что вы любите моих дочерей как самый нежный из отцов, я хочу, чтобы вы стали им настоящим отцом. Я предлагаю вам мою руку и мое сердце; будьте моим мужем, и вы станете им отцом, их повелителем и моим. Что вы мне ответите?

Я бы разразился смехом, если бы одновременно не был охвачен удивлением, презрением и негодованием. Какая наглость! Уверенная, что ее предложение меня возмутит, она не придумала ничего другого, чем мне его сделать, чтобы убедить меня в том, что она полагает невинной мою привязанность к ее дочерям. Она знала иное, но, поступая таким образом, старалась себя обелить, она меня оскорбляла, но об этом не беспокоилась. Чтобы не идти на открытый разрыв, я ответил, что предложение, которое она делает, оказывает мне много чести, но оно настолько важное, что мне нужно попросить у нее время для ответа. Я нашел у себя в комнате влюбленную в несчастного маркиза, которая сказала мне, что ее счастье зависит от сертификата посла Неаполя, которое подтвердит, что ее любовник – действительно маркиз де ла Петине. Достаточно этого сертификата, чтобы сразу получить две сотни гиней. Это то, что ему нужно, чтобы вернуться в Неаполь вместе с ней, где, она уверена, он на ней женится. Он легко получит, говорила мне она, прощение короля. Она рассчитывала на меня, только я мог получить это счастье от посла Неаполя. Я предложил ей, что пойду за этим сразу же к маркизу Караччиоли.

Я туда пошел, и, человек умный, он не нашел никаких сложностей, чтобы выдать аттестат, гласящий, что человек, носящий это имя, который этими днями вышел из тюрьмы, – не самозванец.

Я увидел, что тот преисполнился радости, когда, войдя, я передал ему этот сертификат.

Глава II

Августа становится любовницей лорда Пембрука по контракту, заключенному по всей форме. Сын короля Корсики. Г-н Дюкло или иезуит Лавалетт. Отъезд ганноверок. Мой план. Барон де Хенау. Англичанка и сувенир, который она мне оставила. Датури. Мое бегство из Лондона. Граф Сен-Жермен. Везель.

Когда мы поднимались из-за стола, моя служанка передала Августе письмо, которое та не могла мне дать прочесть, потому что оно было написано по-английски; но она мне предала его содержание, в присутствии своих сестер.

Милорд предлагал ей пятьдесят гиней в месяц, сроком на три года, жилье в С.-Албанс, стол и слуг, если она согласна стать его любовницей, не говоря уж о том, что она может надеяться на его благодарность, если сможет его полюбить.

Я сказал ей, что не могу давать ей на этот счет никакого совета, и она поднялась к матери, которая не хотела ничего решать не проконсультировавшись со мной, потому что, как она сказала, я самый умный и порядочный из людей. Результатом этой консультации было, что если милорд в качестве гаранта контракта даст хорошего торговца с Биржи, ее дочь должна соглашаться, потому что, если она будет хорошо себя вести, она может быть уверена, что милорд кончит тем, что на ней женится. Это, по мнению матери, и не должно быть иначе. Без этого она бы никогда такое не посоветовала, потому что ее дочери, будучи графинями, не созданы для того, чтобы быть любовницами кого бы то ни было. Августа написала соответственно, и три дня спустя милорд сделал дело, придя ко мне обедать с торговцем, который подписал контракт, внизу которого имел честь подписаться и я, в качестве свидетеля и друга матери, к которой я проводил торговца, в присутствии которого она подписала контракт о передаче своей дочери, и который выступил свидетелем. Она не захотела видеть милорда; обняла свою дочь, с которой заключила секретное соглашение, о котором я ничего не знал. Но тот день, когда Августа покинула мой дом, был отмечен также и другим особенным событием.

На следующий день после того, как я передал сертификат предполагаемому маркизу де ла Петина, я повел на прогулку верхом мою дорогую Габриеллу вместе с Ипполитой. Вернувшись к себе, я встретил в дверях того человека, который называл себя мистер Фредерик, и про которого говорили, что он сын короля Корсики Теодора, барона де Нэофи, умершего, как все знали, в Лондоне. Мистер Фредерик сказал мне, что хочет поговорить со мной с глазу на глаз, и я сказал ему подниматься. Когда мы остались одни, он сказал, что он знает, что я знаком с маркизом де ла Петина, и что, учитывая для него сейчас кредитное письмо на две сотни гиней, он хотел знать, что тот достаточно известен в своей стране, чтобы не сомневаться, что он достойным образом расплатится по нему.

– Мне необходимо это знать, – сказал он, – потому что те, кто выписал этот вексель, хотели, чтобы я его индоссировал.

– Я его знаю; но я ничего не могу сказать вам о его правах, потому что знаю его только здесь, и только от посланника короля Неаполя, с которым я знаком, и в словах которого не могу сомневаться, узнал, что он тот, за кого себя выдает.

– Если те, с кем я затеваю это дело, не решатся на это, согласитесь ли вы? Вы получите его по хорошей цене.

– Я не занимаюсь коммерцией. Я не заинтересован в барыше такого рода. Прощайте, мистер Фредерик.

На следующий день Гудар пришел мне сказать, что со мной хотел бы переговорить г-н Дюкло.

– Кто этот человек?

– Это знаменитый иезуит Ла Валетте, который произвел известное банкротство, которое привело к распаду Общества Иисуса во Франции. Он был выслан сюда, и у него должно быть много денег; я советую вам его выслушать. Я с ним познакомился в одном хорошем доме, и, зная, что я с вами знаком, он обратился ко мне. Чем вы рискуете, выслушав его?

– Прекрасно. Отведите меня к нему.

Он ушел, он назначил время и мы пошли после обеда к этому человеку, на которого мне очень хотелось посмотреть; он попросил у меня прощения и, когда Гудар ушел, показал мне обменный вексель маркиза де ла Петина, который требовалось учесть; тот сказал ему, что он может справиться о нем у меня относительно его прав, потому что мои достоинства известны всему Лондону.

Я ответил отцу Ла Валетте Дюкло то же самое, что и сыну покойного короля Корсики. Я покинул его, раздраженный этим странным Петина, который доставил мне столько хлопот. Я видел, что он интригует, и решил про себя поговорить с ганноверкой о том, чтобы он прекратил эти дела.

Я не нашел случая в тот же день. На следующий день я поехал верхом с моими девочками. Я был приглашен на обед милордом Пембруком, который получил Августу, я ожидал вечера, чтобы поговорить о ее старшей сестре, которая ушла и не возвращалась. В девять часов я получил письмо от нее, в котором было вложено письмо по-немецки для ее матери. Она говорила мне в нескольких словах, что, будучи уверенной, что не получит согласия своей матери, она уехала вместе со своим любовником, который получил достаточно денег, чтобы ехать к себе на родину, где они поженятся. Она благодарила меня за все, что я для нее сделал, и просила отдать вложенное ее матери, проявить к ней сочувствие и заставить ее выслушать резоны, заверив, что она уехала не с авантюристом, но с человеком достойным, равным ей. Я показал моим трем девицам письмо их старшей сестры и сказал подняться вместе со мной к их матери. Виктория сказала, что следует дождаться завтрашнего дня, потому что эта ужасная новость помешает той спать. Мы грустно поужинали.

Я видел, что эта девушка пропала, и спрашивал себя, не я ли тому причиной, потому что если бы я не вытащил его из тюрьмы, он ничего бы не смог сделать. Маркиз Караччиоли был прав, когда говорил, что я совершаю добрый, но глупый поступок. Я немного утешился в объятиях моей дорогой Габриеллы.

Какие я выдержал переживания утром, когда должен был успокоить отчаяние, в которое впала их мать при чтении немецкого письма! Она плакала, она говорила нелепые вещи, она сердилась на меня за то, что я вызволил его из тюрьмы и затем позволил увидеться с ее дочерью у себя дома. Не следует никогда уличать лицо, находящееся в скорби, в его собственных ошибках, потому что, успокоившись, оно поймет их само, и будет благодарно тому, кто позволил ему выговориться.

Я провел две недели после этого события очень счастливо, вместе с Габриэлкой, которую Виктория и Ипполита рассматривали как мою жену. Выезжая почти каждый день на лошади, Габриелла стала такой же умелой, как и ее сестра; она составляла мое счастье, как и я – ее, во всех смыслах, особенно в верности, с которой я продолжал относиться к ее сестрам только как к добрым подругам, никогда не вспоминая, что спал с ними, не позволяя себе по отношению к ним никаких свобод, поскольку это бы ей не понравилось. Я заказал им платья, белье, хорошо устроил в доме, хорошо кормил и, пользуясь всеми радостями, доступными в Лондоне, они обожали меня как своего божка, который делал их счастливыми. Они строили себе иллюзии и хотели вообразить, что это никогда не кончится.

Со своей стороны, я подошел к исчерпанию всех своих сил, физических и моральных. У меня больше не было денег, я распродал все мои бриллианты и драгоценности; у меня остались только табакерки, часы, оправы и безделушки, которые я любил, и которые у меня не хватало решимости продать, потому что я не выручил бы за них и пятой части того, что они мне стоили.

Уже месяц я не оплачивал счета ни моего повара, ни виноторговца, но я не желал из-за этого беспокоиться; купаясь в любви Габриеллы, я думал только о том, чтобы сохранить ее нежность тысячью радостей. В этом счастливом состоянии безразличия ко мне пришла однажды утром Виктория, сказав очень грустно, что ее мать решила вернуться в Ганновер. Она не надеялась больше на двор, она не знала более, что делать в Лондоне. Она говорила, что хочет везти свои кости на родину, и что не следует терять времени, поскольку, несмотря на свой счастливый аппетит, она чувствует, что может умереть в любой день.

– И когда она думает привести в исполнение свой замечательный проект?

– Через три или четыре дня.

– Не говоря ничего мне; как если бы она съезжала из гостиницы.

– Нет. Она наоборот мне сказала, что хочет поговорить с вами с глазу на глаз.

Я поднимаюсь, и она жалуется, что я никогда не захожу ее повидать, и закончила тем, что, поскольку я пренебрег ее рукой, которую она мне предложила, она не желает более давать повода для критики и даже для клеветы. Она благодарит меня за все добро, что я сделал ее дочерям, и она уезжает, прежде чем потеряет трех, что у нее остались. Она оставляет, впрочем, возможность мне следовать вместе с ней и поселиться так, как мне хочется, в сельском доме, что у нее есть вблизи столицы. Я не мог ей сказать ничего иного, кроме как что она вольна поступать, как хочет, и что мои дела не позволяют мне жениться.

Виктория в тот же день пошла сказать своему прокурору, что ее мать хочет с ним говорить, он пришел, сделал все, что она хотела, и три дня спустя она собралась, чтобы ехать в пакетботе на Остенде. Утром, поднимаясь, я узнал от Виктории новость, что через четыре часа они должны погрузиться на корабль; несмотря на это Ипполита и Габриелла хотели сесть на лошадей, как мы решили накануне. Молодые девушки развлекались, но я был безутешен, как обычно, когда должен оторваться от объекта моей любви. По возвращении домой я лег в кровать, я не захотел обедать и не хотел видеть трех сестер, пока они не собрали свой багаж. Когда я сказал Габриеле, что, уезжая, она оставляет меня несчастным, она не знала, что ответить, кроме того, что я могу следовать за ней. В момент, когда они должны были ехать, я поднялся, чтобы не видеть у себя в комнате их матери; я увидел ее в ее комнате на канапе, когда двое мужчин готовы были нести ее в мою коляску, которая стояла у дверей. Мои слуги отнесли все ее имущество на корабль. Видя, что я ничего ей не даю на ее путешествие, она призналась мне чистосердечно, что у нее в кошельке есть сто пятьдесят гиней, которые я дал ее дочерям, которые все трое были здесь, утопая в слезах.

Когда мои слуги вернулись, сказав, что они уехали, я приказал, чтобы мои двери были для всех закрыты. Я провел три дня в печали, занятый разработкой своего плана. Я растратил за месяц с ганноверками все деньги, что у меня были от моих драгоценностей, и у меня было более четырехсот фунтов стерлингов долгов виноторговцу и другим поставщикам на мой ежедневный стол. Решив ехать в Лиссабон морем, я продал крест моего ордена, шесть или семь золотых медальонов, вынув из них портреты, что в них находились, все мои часы, кроме одних, и два кофра, полных одежд. Оплатив всем, я остался хозяином двадцати четырех гиней. Я покинул прекрасный дом, который занимал, и поселился у мистрис Мерсье, в ста шагах от Сохо Сквер, за гинею в неделю, только со своим негром, которого по всем соображениям мог считать верным. Приняв эти меры, я написал г-ну де Брагадин, чтобы прислал мне аккредитивом две сотни цехинов; мне не нужно было больше, из тех денег, что у меня должны были быть в Венеции, откуда в течение пяти лет я ничего не брал.

В такой ситуации и в твердом намерении не только уехать из Лондона без единого су долга, но и не одалживая ни у кого ни гиней, я ожидал очень спокойно аккредитива из Венеции, чтобы сказать адье всем и погрузиться на корабль и направиться в Португалию, поглядеть, что Фортуна мне приготовит. Две недели спустя после отъезда ганноверок, к концу февраля 1764 года, ведомый моим злым гением, я пошел в таверну Канон, чтобы пообедать в кабинете,

в одиночку, как я делал всегда. Мне уже поставили мой куверт, когда я увидел входящего с салфеткой в руке барона Ленау, который говорит, что я могу, если угодно, велеть принести мой обед в соседний кабинет, где он один с любовницей.

– Я вам благодарен, потому что человеку одному скучно.

Я вижу эту молодую англичанку, с которой я обедал у Сартори, и перед которой этот барон был столь щедр. Она говорит по-итальянски, у нее есть талант и очарование; мне приятно оказаться с ней, и мы обедаем очень весело. После двух недель диеты неудивительно, что красивая англичанка внушила мне желания, которые я, впрочем, скрыл, потому что ее возлюбленный, который задавал тон, ее уважал. Все, что мне позволено было сделать, это сказать ей, что барон мне кажется самым счастливым из людей. К концу обеда, заметив на камине игральные кости, она живо к ним подходит и говорит:

– Сыграем, кому из нас троих заказывать устриц и шампанское.

Сыграли, платить барону, он звонит, приходит хозяин, и он делает заказ. Поев устриц, она говорит:

– Сыграем, кому из нас троих платить за обед.

Играем, и выпадает на нее. Недовольный, что оказался в положении выигравшего, я предлагаю барону сыграть на две гиней против меня, надеясь проиграть, но не тут то было – фортуна против него; он проигрывает, я предлагаю ему реванш, он проигрывает, я говорю, что играю до сотни, он согласен, и все время играет, повышая ставки, и в полчаса он должен мне сотню гиней. Он просит меня продолжить, и самым вежливым образом я говорю ему, что у него полоса невезения, и что он может слишком много проиграть, чем мне не хочется воспользоваться. На это возражение он ругается против фортуны и против милосердия, которое я проявляю по отношению к нему; он встает, берет свою трость и говорит, что по своем возвращении он мне заплатит.

Оставшись наедине с красивой англичанкой, я с удивлением слышу от нее, что она была уверена, что я играл в половинном размере с ней.

– Если вы догадывались об этом намерении, вы должны были также догадаться, что я нахожу вас очаровательной.

– Я это также почувствовала...

– И вы этим недовольны?

– Наоборот, если учесть, что я догадалась первая.

– Я предлагаю вам пятьдесят гиней, когда он мне заплатит.

– Да, но он не должен об этом догадаться.

– Он ничего не узнает.

Едва было заключено это соглашение, я убедил ее в реальности моей склонности, очень довольный ее согласием и вполне удовлетворенный этим проблеском фортуны в момент, когда единственно печаль должна была быть моим уделом. Наше дельце было исполнено наспех, потому что дверь была не заперта. У меня хватило времени только, чтобы спросить у нее адрес и ее время, при том, что я должен был проявить большую осторожность в отношении ее любовника, на что она мне ответила только, что он не уделяет ей достаточно много времени, чтобы претендовать на то, что она должна принадлежать только ему. Я положил адрес в карман, пообещав прийти провести с ней ночь завтра.

Барон вернулся как раз в тот момент, когда мы завершили наше соглашение. Он сказал, что ходил к торговцу, чтобы учесть обменный вексель, который он бросил мне на стол, и который тот не захотел разменивать, несмотря на то, что он был подтвержден одним из перворазрядных домов Кадиса, выпущен солидным домом Лиссабона и по его указанию. Он показал мне свой индоссамент, я смотрю на сумму, вижу миллионы и ничего не понимаю; он начинает смеяться и объясняет, что миллионы – это мараведис, которые в пересчете на фунты стерлин-

гов составляют около пяти сотен фунтов. Я говорю, что если подпись плательщиков подтверждается, удивительно, что ему отказались платить.

– Почему вы не идете к своему банкиру?

– Я ни одного не знаю. Я приехал сюда с тысячей лисбонинов в кармане, которые я проел. Я не беспокоился, имея кредитный вексель. Я не могу вам заплатить, пока мне не учтут этот вексель. Если у вас есть знакомства на бирже, вы могли бы мне в этом помочь.

– Если подпись узнаваема, я помогу вам завтра утром.

– В таком случае, я передаю его вам.

Он помечает на нем свое имя. Я обещаю ему возратить его вексель либо деньги завтра в полдень; он дает мне свой адрес, просит меня к себе обедать, и мы расстаемся.

На следующий день рано утром я иду к Вантеку, которого нет на месте; я встречаю Босанке, который говорит, что тот понадобился зачем-то г-ну Лейг, и что он сразу к нему пошел; Я иду туда, он мне говорит, что мое кредитное письмо котируется еще лучше, чем банковские билеты; он производит свои вычисления, показывает итог и дает мне пятьсот двадцать гиней и несколько шиллингов, после того, разумеется, что я его индоссирую. Я иду к барону, показываю ему его счет и передаю его деньги в добрых банкнотах. Он благодарит меня, дает мне две банкноты по пятьдесят фунтов, затем мы обедаем, разговариваем о его красоте, я спрашиваю у него, сильно ли он в нее влюблен, и он говорит, что нет, потому что у нее есть и другие. Он даже говорит, что если она мне нравится, мне стоит объясниться.

– За десять гиней вы с ней поужинаете.

Это объяснение мне кажется весьма благородным с его стороны, но я не собираюсь из-за этого нарушить слово, данное красоте. Я направился к ней, и когда она увидела, что я принес ей полсотни, она заказала элегантный ужин, затем я провел в ее объятиях ночь, настолько приятную, что она развеяла всю мою печаль. Когда я вручил ей ее пятьдесят гиней, перед тем, как ее покинуть, она сказала, что будет давать мне ужин за шесть гиней всякий раз, когда у меня возникнет желание. Сочтя это весьма благородным, я пообещал приходить к ней очень часто.

Назавтра я получил по пени-почте короткое письмо на плохом итальянском от человека, который подписался «Ваш крестник Датури». Он сидел в тюрьме за долги и просил у меня милостыни в несколько шиллингов на еду. Мне было нечего делать; слово «крестник» вызвало мое любопытство, я взял фиакр и направился в тюрьму, чтобы увидеть этого крестника Датури, чье имя не вызывало у меня никаких ассоциаций. Я вижу красивого малого двадцати лет, который мне незнаком. Я показываю ему его письмо; он просит у меня извинения, достает из кармана свое свидетельство о рождении, я вижу его имя, свое как кума его отца, имя его матери, приход Венеции, в котором он родился, и ничего не могу вспомнить. Он берется напомнить мне все, если я готов его выслушать, потому что его мать говорила ему обо мне сотню раз, рассказывая, как она со мной познакомилась, и выражая надежду, что как-нибудь он встретит меня в Европе. Во время его рассказа я все вспомнил, и даже то, на что он не мог и надеяться, так как он не слышал этого от своей матери. Этот молодой человек, которого я на основании свидетельства о рождении принимал за сына Датури, который был комедиантом, был, возможно, моим сыном. Он приехал в Лондон с труппой акробатов, играя роль «пальцацо»¹, он поссорился с труппой, его исключили, он задолжал десять фунтов и был помещен в тюрьму. После его рассказа, никак не просвещая его относительно обстоятельств его рождения, я его освободил из тюрьмы и сказал приходить каждое утро ко мне получать два шиллинга на жизнь.

Восемь дней спустя после этого доброго деяния я обнаружил у себя скверную болезнь в тяжелой форме, которую уже имел три раза и от которой излечивался с помощью ртути и моего хорошего здоровья. В эти восемь дней я провел три ночи с фатальной англичанкой г-на

¹ паяца – прим. перев.

Хенау, которую я бы и не узнал, если бы Гудар не отвел меня к Сартори. Эта болезнь, которую в приличном обществе не принято называть, причинила мне, кстати, большие неприятности, то есть проявилась в дурных обстоятельствах, потому что она никак не может быть кстати. Я собирался предпринять морское путешествие, чтобы пересечь весь Атлантический океан, и хотя Венера родилась от этого элемента, воздух ее родной среды совершенно не годится для ее венерических воздействий. Я подумал и решил обратиться к великому лондонскому знатоку. Я был уверен, что в шесть недель восстановлю свое здоровье и приеду в Португалию, будучи в состоянии за себя платить. Я выхожу, но не иду, как делал неоднократно с начала моего паломничества в этот мир, расспрашивать, как делают и все дураки, англичанку, которая меня заразила, а иду к знающему хирургу, чтобы заключить с ним соглашение и запереться у него. Для этого я собираю чемоданы, как если бы я собрался в путешествие, чтобы покинуть Англию, с той единственно разницей, что отправляю, через моего негра, все мое белье прачке, которая живет в шести милях от Лондона и у которой самая лучшая стирка.

Тем утром, когда я собрался покинуть дом мистрис Мерсье, чтобы поселиться у хирурга, мне передают письмо, принесенное курьером. Я вскрываю его и вижу подпись Лейг, он пишет мне то, что я здесь скопировал с оригинала и представляю вашему взору:

«Обменный вексель, что вы мне дали, – поддельный, верните мне 520 фунтов стерлингов, что я вам дал, и если тот, кто вас обманул, их не вернет, велите его арестовать. Пожалуйста, прошу вас не забыть приказать арестовать его завтра же. Не теряйте времени, потому что речь идет о вашей жизни».

Я иду к барону Хенау с намерением прострелить ему лоб, если он не даст мне сразу денег, либо держать его до тех пор, пока его не арестуют. Я прихожу в его дом, поднимаюсь, и хозяйка мне говорит, что уже четыре дня, как он уехал в Лиссабон.

Этот барон – это тот ливонец, который был повешен в Лиссабоне четыре месяца спустя. Я узнал об этом в Риге два месяца спустя после его несчастья. Я говорю об этом теперь, потому что боюсь забыть, когда мой читатель вместе со мной будет в Риге в начале октября этого года.

Когда я узнал о его отъезде, я увидел, что должен что-то немедленно предпринять. У меня было только десять-двенадцать гиней, этого было недостаточно. Я пошел к еврею Тревесу, венецианцу, которому я был рекомендован венецианским банкиром графом Альгароти и к которому ни за чем никогда не обращался. Я не думал ни о Босанке, ни о Вантеке, ни о Сальвадоре, потому что они могли бы знать о моем деле. Я пошел к Тревесу, у которого не было никаких дел с этими большими банкирами, и попросил его сразу учесть вексель, который я написал на имя самого графа Альгароти, на ничтожную сумму в сто венецианских цехинов, и написал ему письмо-извещение г-ну Альгароти взять оплату у г-на Дандоло, своего родственника, который рекомендовал меня ему. Еврей оплатил мне сразу письмо звонкой монетой, и я пошел к себе, охваченный смертельной лихорадкой. Лейг мне дал двадцать четыре часа, и благородный англичанин не мог нарушить слово; но натура не позволяла мне бежать. Я не хотел терять мое белье, ни три штуки драпа, отданных на пошивку одежды моему портному. Я вызвал Жарбе в свою комнату и спросил, что он предпочтет: я дарю ему сразу двадцать гиней и отпускаю его, либо он останется у меня на службе, пообещав выехать из Лондона в течение восьми дней, чтобы встретиться со мной в том месте, которое я ему напишу и где остановлюсь, чтобы дожидаться его.

– Месье, я не хочу ни су, я хочу остаться у вас на службе, я встречу с вами там, где вы дадите мне знать, что вы там. Когда вы уезжаете?

– В течение часа; но дело идет о моей жизни, если ты кому-нибудь скажешь.

– Почему вы не берете меня с собой?

– Потому что я хочу, чтобы ты забрал мое белье, которое находится у прачки. Я собираюсь дать тебе денег, сколько тебе нужно, чтобы ехать со мной встретиться.

– Мне ничего не надо. Вы заплатите мне то, что я потрачу, когда я встречу с вами. Подождите.

Он идет в свою каморку, сразу возвращается, показывает мне шестьдесят гиней, что у него были, и предлагает их мне, говоря, что у него достаточно кредита, чтобы найти еще пятьдесят. Я не беру ничего, но этот поступок внушает мне уверенность в нем. Я говорю, что мистрис Мерсье передаст ему в четыре или пять дней письмо, в котором будет сказано, куда он должен прибыть, и я ему рекомендую купить небольшой чемодан, чтобы взять мое белье и мои кружева.

После этого я иду к моему портному, у которого мой драп в кусках мне на одежду, и золотой галун для одной из них. Я делаю вид, что мне расхотелось этим заниматься, и он покупает у меня все себе за тридцать гиней, которые тут же и отсчитывает. После этого я иду к Мерсье, плачу ей вперед за неделю, чтобы она оставила у себя негра, погружаю на коляску мое добро и еду с Датури до Рочестера. Дальше у меня нет сил. Этот парень меня спасает. У меня судороги и горячка. Я заказываю почту, чтобы ехать в Ситтингбурн, но он не хочет. Он меня удивляет. Он идет за врачом, который сразу пускает мне кровь, и шесть часов спустя он считает, что я могу двигаться дальше. На следующее утро я – в Дувре, где останавливаюсь только на полчаса, так как отлив, как говорит мне капитан пакетбота, не позволяет задерживаться дольше. Он не знает, что это именно то, чего я хочу. Я плачу шесть гиней – обычную плату за это путешествие, которое длится шесть часов, потому что ветер очень слабый. Я написал из Дувра негру приехать ко мне в Кале, и мистрис Мерсье мне написала, что передала ему мое письмо, но негр не прибыл. Через два года после этих событий читатель узнает, где я его нашел. Я высадился в Кале, и сразу поселился в «Золотой Руке», где находилась моя почтовая коляска. Лучший доктор Кале явился позаботиться о моей персоне. Лихорадочный жар в соединении с венерическим ядом, который циркулировал в моем теле, привел меня в такое состояние, что врач не надеялся, что я выживу. На третий день я был в кризисе. Четвертое кровопускание истощило мои силы и ввергло меня в летаргию на двадцать четыре часа, которая, завершившись спасительным кризисом, вернула меня к жизни; но только благодаря режиму я оказался в состоянии ехать, через пятнадцать дней после своего прибытия.

Слабый, удрученный необходимостью покинуть Лондон, нанеся при этом существенный ущерб г-ну Лейг, вынужденный бежать, открыв неверность моего негра, вынужденный отказаться от своего проекта ехать в Португалию, не зная, куда ехать, с разрушенным здоровьем, с сомнительными шансами на выздоровление, вида пугающего, исхудавший, пожелтевший, весь покрытый бубонами, наполненными гнойной жидкостью, которую следовало бы, как мне думалось, выпускать, – в таком состоянии я взгромоздился на мою почтовую коляску вместе с моим крестником Датури, который, поместившись сзади, стал мне слугой, справляясь превосходно с этими функциями. Я написал в Венецию, чтобы переслали мне в Брюссель то обменное письмо на сто фунтов стерлингов, которое я должен был получить в Лондоне, откуда я не осмелился написать. Я сменил лошадей в Гравелине и остановился на ночлег в «Консьержери» в Дюнкерке.

Первый, кого я увидел, сойдя с моей коляски, был торговец С., муж той Терезы, о которой читатель может помнить, племянницы любовницы Тирета, которую я любил, вот уже почти семь лет назад. Он меня узнал, он был удивлен, видя меня таким изменившимся; я сказал ему, что выхожу из тяжелой болезни, спросил у него новостей о его жене, он ответил, что она чувствует себя хорошо, и что он надеется, что я приду завтра откусать ее супу. Я ответил, что должен выехать на рассвете, но он не хотел ничего слышать; он хотел, чтобы я взглянул на его жену и их троих малышей, и, поскольку он понял, что я хочу ехать утром, он сказал, что вернется сейчас с женой и всем семейством. Как было противиться? Я ответил, что мы вместе поужинаем.

Читатель может вспомнить, как я любил эту Терезу, что даже решил жениться на ней. Я вспомнил об этом, чтобы сразу расстроиться, зная, насколько я ей не понравлюсь теперь, такой, каким я стал.

Она пришла через четверть часа вместе со своим мужем и своими тремя детьми, старшему из которых было шесть лет. После обычных приветствий и выражения сочувствия моему расстроенному здоровью, которое меня удручало, она отослала домой двух младших, оставив ужинать с нами лишь старшего, потому что у нее были сильные основания полагать, что он должен меня заинтересовать. Этот ребенок был очарователен, и поскольку он очень походил на мать, ее муж никогда не сомневался, что он его сын и по закону и по природе. Я смеялся про себя над тем, что находил моих детей по всей Европе. Она сообщила мне за столом новости о Тирета. Он поступил на службу в голландскую Компанию Индий и был замешан в мятеже в Батавии, где был раскрыт и избежал риска быть повешенным лишь потому, что, подобно мне в Лондоне, спасся с помощью бегства. Это нередко случается в этом мире, когда участвуют в авантюрах, рискуешь быть повешенным из-за глупостей, когда ведешь себя легкомысленно и не бережешься. На следующий день я направился через Ипр на Турнэ, где, увидев двух конюхов, прогуливающих лошадей, спросил, кому они принадлежат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.